

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

П.А. Ефимова

стажёр-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

З.Х. Лепшокова

к.психол.н., доцент, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

А.Г. Яшина

Стажёр-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Е.В. Попов

Стажёр-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

А.С. Титов

Стажёр-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ: КОНТЕКСТУАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ¹

Аннотация. Несмотря на стереотип о пассивности российской молодёжи по отношению к социальным проблемам, в реалиях современной России заметна обратная тенденция, во многом наблюдаемая в пределах неполитической активности молодых людей. В рамках настоящего исследования рассмотрению подлежала социальная активность молодёжи, её связь с социальной ответственностью, а также с социальным контекстом страны через призму восприятия этого контекста и установок по отношению к нему. С точки зрения восприятия и установок особое внимание обращено на изучение роли воспринимаемого «реального» и ожидаемого «идеального» социальных контекстов, а также их расхождения в социальной активности и ответственности российской молодёжи. Выборка исследования, проведённого в 2021 г. посредством онлайн-опроса, включила 821 россиянина в возрасте от 15 до 35 лет (285 мужчин и 536 женщин) преимущественно из Москвы и Казани. Авторская методика охватывала три ключевые сферы социальной активности: экологию, социальное неравенство и политику. Для оценки воспринимаемого и ожидаемого социального контекста страны, а также уровня социальной ответственности использовались валидированные шкалы. Полученные результаты подчеркнули важность влияния воспринимаемого «реального» и ожидаемого «идеального» контекста страны на уровень социальной активности молодёжи. Так, респонденты, оценивающие «реальный» социальный контекст как проблемный и отмечающие отношение государства к проблемам экологии, социального неравенства и политики как недостаточное, отличаются высоким уровнем социальной активности. В то же время ожидаемый «идеальный» контекст не связан с социальной активностью напрямую, но он оказывает влияние на неё через социальную ответственность. Более того, в результате анализа данных было выявлено: чем больше расхождение между ожидаемым «идеальным» и воспринимаемым «реальным» контекстами страны, тем выше социальная активность молодёжи.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Ключевые слова: социальная активность, социальная ответственность, воспринимаемый социальный контекст, ожидаемый социальный контекст, молодежь.

JEL: Y8, Z13, Z19

УДК: 316.351, 316.62, 316.64

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_113_126

© П.А. Ефимова, З.Х. Лепшокова, А.Г. Яшина, Е.В. Попов, А.С. Титов, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ефимова П.А., Лепшокова З.Х., Яшина А.Г., Попов Е.В., Титов А.С. Социальная активность российской молодежи: концептуально-психологические факторы // Вопросы теоретической экономики. 2025. №1. С. 113–126. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_113_126.

FOR CITATION: Efimova P, Lepshokova Z., Iashina A., Popov E., Titov A. The Social Activity of Russian Youth: Contextual and Psychological Factors // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 1. Pp. 113–126. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_113_126.

Введение

Долгое время существовало мнение, согласно которому российские граждане инертны в поведении по отношению к тому, что не касается их частной жизни [Петухов и др., 2014; Сохадзе, 2017]. Однако данное суждение игнорирует факт существования форм социальной активности среди молодежи [Парма, 2021], сохраняющийся и, более того, трансформирующийся в условиях неоднозначности современного мира [Арендачук, Усова, Кленова, 2022; Маслодудова, 2023]. Это — свидетельство, подвергающее сомнению сложившийся стереотип. Так, согласно данным ВЦИОМ, в топ-3 жизненных ориентиров российской молодежи вошла возможность приносить пользу обществу через активное участие в общественной и политической жизни государства [ВЦИОМ, 2022a]. Более того, само российское общество уверено в пользе вклада активной молодежи в развитие страны, акцентируя внимание на необходимость поддержки инициатив молодого поколения [ВЦИОМ, 2022b]. Во многом это связано с тем, что социальная активность — важный ресурс социального и экономического развития, особенно в связи с её направленностью на решение социально-политических, а порой и социально-экономических задач [Bogomolov, 2005; Heyes, King, 2018; Ермолаева, Ермолаева, Башева, 2020; Zubok, Березутский, 2020; Ozili, 2020; Кранзеева и др., 2021; Шамионов, Бочаров, Невский, 2022; Gatawa, 2022].

В настоящее время острота возникающих социальных проблем и необходимость самореализации молодых людей как создателей и своего, и общественного будущего стали основными причинами роста социальной активности среди молодежи [Зубок, Березутский, 2020; Григорьева, Шаров, Заграничный, 2022]. Отличительной чертой современных молодых людей является обладание уникальными навыками адаптивных стратегий [Бекшенова, Ягодка, 2020; Антонова, Абрамова, Гурарий, 2022; Костина, Орлова, 2022], что можно было наиболее ярко наблюдать в момент переживания миром кризиса COVID-19 [Арендачук, Усова, Кленова, 2022]. Данная способность особенно важна для своевременных и наиболее верных решений в условиях динамики современного мира, что делает владение ею неоспоримым преимуществом.

Между тем активность молодежи может нести в себе политические и неполитические инициативы. Оба направления тесно переплетены друг с другом [Петухов и др., 2014; Седова, 2014; Бекшенова, Ягодка, 2020], что обусловлено невозможностью решения некоторых проблем и реализации идей без участия конкретных институтов. В то же время российский социолог Н. Седова отмечает, что чем выше «градус» активностей, «тем плотнее их (политической и неполитической активности) взаимопроникновение», что особенно важно в процессе анализа вопросов, касающихся активизма молодых россиян [Седова, 2014, С. 55]. В первую очередь это связано с тем, что исследователи и государственные деятели хорошо понимают: любая социальная активность молодежи может нести в себе

как созидание, так и разрушение [Омельченко, 2005], а потому столь важно нахождение конструктивного высвобождения энергии активизма [Костина, Орлова, 2022]. В случае же отсутствия предоставления молодёжи шанса продуктивного гражданского участия в жизни страны возможно появление неудовлетворённости целого поколения, которое в некоторых моментах может привести к аномии, в других же — к деструктивным протестам [Fuchs, 2006]. В этой связи становится очевидным, что тема гражданской активности, социального и политического участия (институционализированного или же нет) чрезвычайно актуальна и востребована современным российским обществом и потому требует тщательного исследования.

В результате обзора современной литературы на тему социальной активности российской молодёжи было выявлено, что исследования проводятся в основном социологами и политологами [Соколова, 2011; Баканач, 2016; Зайцева, 2016; Парма, 2021; Костина, Орлова, 2022]. Это позволяет осуществлять мониторинг участия молодых людей в различных формах социальной активности, в особенности политической. С точки зрения психологии при рассмотрении вопроса социальной активности молодёжи исследователи чаще всего концентрируются на изучении индивидуально-личностных и социально-психологических факторов гражданской активности [Шамионов, 2018; Арендачук, 2018; Шамионов, Григорьева, 2019; Шамионов, 2020], в меньшей степени обращая внимание на социальный контекст. Однако очевидно, что социальная активность и ответственность не рождаются в социальном вакууме. Поэтому предполагается, что такие контекстуально-психологические факторы, как ожидания молодёжи в отношении того, каким должен быть «социальный климат» их страны и каким он им представляется, а также существует в реальности, важны для понимания степени выраженности социальной активности молодых людей.

Немаловажно и то, что ранее проведённые исследования не акцентировали внимание на изучении реального опыта активного поведения молодёжи в разных социальных сферах жизни, в частности — экологии, социального неравенства и политики. Однако именно эти три области больше остальных «заботят» молодёжь, способствуя её вовлечению в решение возникающих проблем [Захарова, 2020; Осипова, Елишев, 2020; Селезнева, Зиненко, 2020].

Таким образом, настоящая работа направлена на восполнение исследовательских лагун путём выявления и анализа роли контекстуально-психологических факторов в выраженности социальной активности и ответственности молодых россиян.

Контекст как фактор социальной активности

Вопрос понимания влияния контекста на поведение людей привлекает особое внимание исследователей на протяжении последних трёх десятилетий. Например, Блейк подчёркивал важность рассмотрения контекста в связи с тем, что контекстуальные эффекты, рождаясь в социальной среде, действуют и усиливаются вследствие информационной наполненности окружения [Blake, 2001]. Более того, Каппелли и Шерер акцентируют важность контекста как главенствующего фактора в формировании индивидуального поведения через обращение внимания на его особую роль в объяснении формирования поведенческих тенденций [Capelli, Sherer, 1991]. Всё это наталкивает на необходимость ответить на вопрос о том, что же такое контекст и в чём он проявляется.

Здесь важно подчеркнуть тот факт, что содержание слова «контекст» подразумевает нечто большее, чем простое описание того, что находится вокруг человека (что больше подходит термину «среда»). Джонс определял контекст как «совокупность ситуационных возможностей и ограничений, влияющих на возникновение и значение поведения, а также на функциональные отношения между переменными» [Johns, 2006. P. 386]. То есть, в отли-

чие от просто окружения, контекст подразумевает некоторую динамику и обмен между различными его частями, дополняя общую картину причин поведения человека. При этом стоит учитывать то, что контекст может быть как ограничением, так и благоприятным условием для определения различий в поведении отдельных людей, групп и организаций [Ibid.]. Таким образом, включение контекста имеет решающее значение как фактор точности прогноза человеческого поведения.

В развитие идеи важности контекста при изучении поведения основной вклад был сделан Мишелем и Шодой, которые обнаружили, что личностные черты могут не объяснять поведение без учёта контекста, который, в свою очередь, способен вызывать определённые поведенческие тенденции [Mischel, Shoda, 1995]. На это же обратил внимание Бурбанк, исследуя контекстуальные эффекты в разрезе политического поведения граждан [Burbank, 1997]. Более того, ссылаясь на исследования Канфера и его коллег, Мейер и Далал описали контекст как фактор, который может усиливать или ослаблять влияние личностных характеристик на поведение человека [Kanfer, Chen, Pritchard, 2008; Kanfer, 2009; Meyer, Dalal, 2009].

Немаловажно также рассмотрение контекста с точки зрения информационного потока, исходящего от окружения индивида. Бурбанк обращает внимание на то, что простого доступа к информации недостаточно, и именно социальный контекст дополняет узнанные новости личным содержанием, формируя конкретную позицию и мнение [Burbank, 1997]. Седова же обращает внимание на то, что оценивание любого социального явления в России невозможно без учёта ситуации внутри страны. Также она говорит о существовании связи между уровнем и характером социальной активности и базовыми мировоззренческими и ценностными установками активиста в отношении окружающей его действительности [Седова, 2014]. Между тем Омельченко подчёркивает, что при анализе как социальной «активности», так и «пассивности» (которая, в свою очередь, автором также трактуется как форма позиции со стороны молодёжи) важно учитывать социально-политический контекст и контекст включения индивида в культурную группу [Омельченко, 2005].

То, как воспринимается молодёжью социальный и политический контекст, также рассматривалось в [Krupets et al., 2017]. Проанализировав имеющиеся представления о гражданстве, учёные дополнили имеющуюся базу исследований социальной активности в России идеей о существовании несоответствия идеально-нормативного («ожидаемого») и воспринимаемого («реального») контекстов. Идея несоответствия также была поднята в рамках исследования влияния восприятия социально-политического контекста на участие в протестах [Van Stekelenburg, Klandermars, 2013].

Опираясь на эти данные, мы в настоящем исследовании сфокусировались на изучении влияния ожидаемого «идеального» и воспринимаемого «реального» социальных контекстов. Идеальный, иными словами, ожидаемый социальный контекст скрывает в себе установки в отношении того, каким должен быть социальный контекст страны и каким его хотят видеть люди. Реальный, или же воспринимаемый, социальный контекст отражает представления людей о том, каким они его видят, ощущают. Воспринимаемый «реальный» контекст позволяет подчеркнуть сензитивность человека к наиболее важным аспектам наблюдаемых явлений. Учитывая, что восприятие объектов и событий в окружающей среде как когнитивный процесс «относится к общему процессу восприятия — их ощущению, пониманию, идентификации и обозначению, а также подготовке к реакции на них» [Gerrig, Zimbardo, 2002. P. 217], предполагается, что определение представлений людей об окружающей реальности чрезвычайно важно для понимания их отношения к ней и их поведения. Следовательно, оно должно учитываться и при анализе ситуации, и при разработке соответствующих мер социальной политики.

Подводя итог, можно сказать, что люди хотят жить в мире, соответствующем их ожиданиям, т. е. в «идеальном» мире. Но живут они в «реальном» мире, который восприни-

мают, реагируя на его интерпретацию. В связи с этим, в рамках настоящего исследования, необходимо понять, почему люди, оказавшиеся, казалось бы, в одной и той же ситуации, реагируют на неё по-разному. Для этого предлагается выдвинуть следующие исследовательские вопросы:

1. Существует ли взаимосвязь между ожидаемым «идеальным» и воспринимаемым «реальным» контекстами с социальной активностью, если да, то каков её характер?

2. Связано ли расхождение ожидаемого «идеального» и воспринимаемого «реального» контекстов с социальной активностью, если да, то как?

Социальная ответственность и социальная активность

Всё чаще исследователями обращается внимание на меньшую заинтересованность молодёжи в вовлечении в длительные социальные проекты, закрепляющие их за конкретной организацией [Никовская, Скалабан, 2017]. При этом сами молодые люди готовы к активности без регулярного участия внутри какой-либо структуры [Подъячев, Халий, 2020]. Данный феномен возможно связать с понятием социальной ответственности, выделив её как фактор, влияющий на социальную активность молодёжи.

Активность молодых людей, направленная на быстрые преобразования без долгосрочного участия в проектах, вносящих системные изменения [Щебланова и др., 2020], также свидетельствует о важности идеи социальной ответственности. Это связано с тем, что данный феномен не является врождённым, а представляет собой результат целенаправленного формирования, что даёт возможность, посредством его развития, достижения большей вовлечённости молодёжи в долгосрочные проекты, направленные на более глубокие изменения.

Важным в идее социальной ответственности является факт её связанности с ценностями, способствующими моральному, просоциальному и гражданскому поведению людей [Wray-Lake, Syvertsen, 2011]. Существенно и то, что данные ценности включают в себя решения и действия, которые служат на пользу другим, обществу. Это даёт дополнительные аргументы идее о том, что люди с хорошо развитой социальной ответственностью с большей вероятностью будут помогать другим, при этом внося постоянный вклад в жизнь общества [Mergler, 2017].

Лебедева рассматривала социальную ответственность как качество личности, формирующееся и реализующееся многочисленными способами: через волонтерство, общественные работы, борьбу за права человека, гражданскую активность в социально-трудовой и научно-исследовательской, социально-политической и социально-культурной сферах [Лебедева, 2019]. Более того, Рэй-Лейком и Сивертсеном было выдвинуто предположение, что социальная ответственность состоит из двух ключевых конструктов — социальных отношений и морального чувства заботы и справедливости [Wray-Lake, Syvertsen, 2011]. Такого рода структура представляет собой долгосрочную ценностную ориентацию, способствующую позитивному поведению человека (например, моральному, просоциальному) в обществе.

Однако, рассматривая вопрос социальной ответственности с точки зрения влияния контекста, важно обратить внимание на различия в проявлениях активности гражданами. Так, сталкиваясь с необходимостью решения проблемы (например, экологической) в конкретном районе, живущие там люди скорее поддержат направленные на это коллективные инициативы, нежели те, кто живут по соседству, даже если они привержены одним и тем же ценностям и в той же мере обеспокоены этим вопросом в глобальной форме [Blake, 2001].

Уровень социальной ответственности показывает степень социальной зрелости индивида [Костина, Орлова, 2022], а значит, его способность к более осознанной и длитель-

ной социальной активности для достижения определённого результата, пусть и отложенного. Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что если в основе социальной активности лежит социальная ответственность, то такая активность может быть более системной и долговременной, и побуждать к активным действиям вплоть до реализации необходимого социального изменения. В этой связи предлагается выдвинуть следующую гипотезу:

H1: Социальная ответственность положительно связана с социальной активностью.

Учитывая описанные в предыдущем разделе статьи предпосылки связи контекста и социальной активности, а также описанные в настоящем разделе предпосылки положительной связи социальной активности и социальной ответственности, также дополнительно выдвигаются следующие исследовательские вопросы (первые два из них поставлены в предыдущем разделе):

3. *Связаны ли ожидаемый «идеальный» и воспринимаемый «реальный» контексты с социальной ответственностью, если да, то каким образом?*

4. *Опосредует ли социальная ответственность связь ожидаемого «идеального» и воспринимаемого «реального» контекстов с социальной активностью?*

Методы

Выборка исследования

В исследовании принял участие 821 россиянин, из них 285 мужчин и 536 женщин в возрасте от 15 до 35 лет. 78% учатся в средней школе, 8 имеют или получают среднее специальное образование, 14% имеют или получают высшее образование. Большая часть респондентов проживает в Москве и Казани. Социально-психологический опрос проводился онлайн на платформе 1ка в 2021 г. в российских молодёжных лагерях, в социальных сетях добровольно, безвозмездно и анонимно.

Инструментарий исследования

Инструментарий включал авторскую методику оценки *социальной активности*. Данная методика состояла из 17 вопросов, направленных на оценку трёх видов социальной активности в сфере решения проблем социального неравенства (5 вопросов), экологии (6 вопросов) и политики (6 вопросов). Для ответа респонденту предлагалась пятибалльная шкала (от 1 — абсолютно не согласен до 5 — полностью согласен). Трёхфакторная структура опросника подтверждена конфирматорным факторным анализом (имеет хорошие показатели пригодности: $\chi^2/df=3,69$; CFI=0,95; RMSEA=0,070; sRMR=0,043), $\alpha = 0,80$.

Воспринимаемый «реальный» контекст изучался с помощью трёх дескриптивных вопросов, направленных на оценку проблем, касающихся экологии, социального неравенства и политики: «Я считаю, что Россия уделяет достаточно внимания проблемам, связанным с экологией», «Я считаю, что в России успешно решаются проблемы социального неравенства в обществе», «В России нет политических проблем». Для ответа респонденту предлагалась пятибалльная шкала (от 1 — абсолютно не согласен до 5 — полностью согласен), $\alpha = 0,78$.

Ожидаемый «идеальный» контекст изучался с помощью трёх прескриптивных вопросов, направленных на оценку выраженности установок в отношении экологии, социального неравенства и политики: «Я считаю, что в России не должно быть проблем, связанных с экологией», «Я считаю, что в России не должно быть проблем, связанных с социальным неравенством в обществе», «Я считаю, что в России не должно быть проблем, связанных с политикой». Для ответа респонденту предлагалась пятибалльная шкала (от 1 — абсолютно не согласен до 5 — полностью согласен) $\alpha = 0,81$.

Социальная ответственность изучалась с помощью двух вопросов: «Я чувствую свою ответственность за то, что происходит в российском обществе», «Я считаю, что должен менять что-то к лучшему в обществе и в России». Для ответа респонденту предлагалась пятибалльная шкала (от 1 — абсолютно не согласен до 5 — абсолютно согласен).

Социально-демографическая информация: возраст, пол, уровень образования и дохода.

Обработка данных

Для обработки данных применялся статистический пакет SPSS 26.0 и приложение AMOS 26.0. Для проверки связей использовалось моделирование структурными уравнениями (путевой анализ), а для выявления непрямого эффекта использовалась оценка максимального правдоподобия и 5000 бутстреированных псевдовыборок.

Результаты

Для проверки гипотезы и ответа на исследовательские вопросы был проведён анализ посредством использования моделирования структурными уравнениями (путевой анализ). На рис. 1 представлена модель связи воспринимаемого «реального» и ожидаемого «идеального» контекстов с социальной ответственностью и социальной активностью. Показатели пригодности модели удовлетворительны: CMIN/df=2,89, CFI=0,95, RMSEA=0,06, SRMR=0,05.

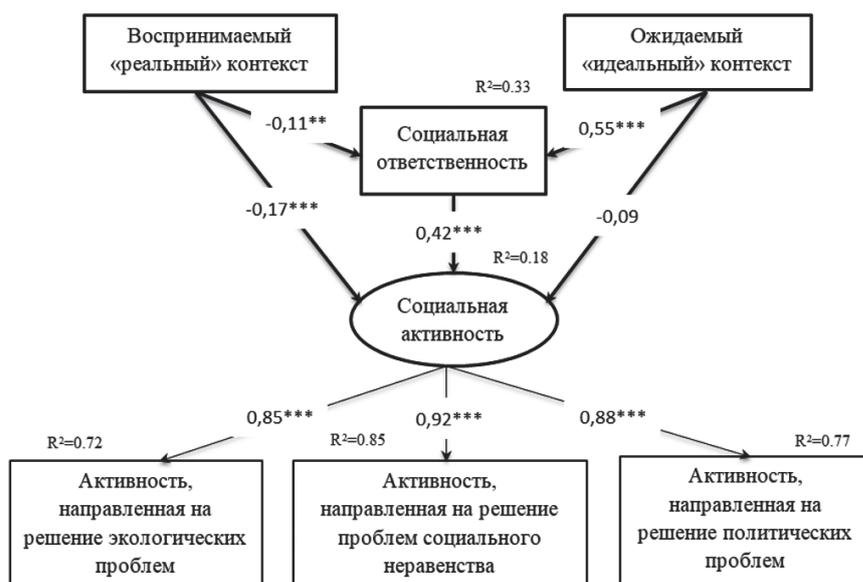

Рис. 1. Модель связи воспринимаемого «реального» и ожидаемого «идеального» контекстов с социальной ответственностью и социальной активностью

Источник: составлено авторами.

В результате анализа выяснилось, что чем менее благоприятным воспринимается реальный контекст, тем больше выражена социальная активность и социальная ответственность. Идеальный контекст, т. е. ожидания, каким должен быть контекст, напрямую не связан с социальной активностью, но связан положительно с социальной ответственностью. Социальная ответственность значимо положительно связана с социальной активностью.

Затем была произведена оценка значимости не прямых эффектов воспринимаемого «реального» и ожидаемого «идеального» контекстов на социальную активность через социальную ответственность, данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Прямые и непрямые эффекты воспринимаемого «реального» и ожидаемого «идеального» контекстов на социальную активность через социальную ответственность

Зависимая переменная →	Социальная активность	
Медиатор →	Социальная ответственность	
Независимые переменные ↑	Прямой эффект	Непрямой эффект
Воспринимаемый «реальный» контекст	-0,17***	-0,05*
Ожидаемый «идеальный» контекст	-0,09	0,24***

*** — $p < 0,001$; ** — $p < 0,01$; * — $p < 0,05$.

Источник: составлено авторами.

Данные, представленные в табл. 1, свидетельствуют о том, что воспринимаемый «реальный» контекст имеет отрицательный непрямой эффект на социальную активность через социальную ответственность, в то же время прямой отрицательный эффект сохраняется. Ожидаемый «идеальный» контекст имеет положительный непрямой эффект на социальную активность через социальную ответственность, прямой эффект был незначим.

Далее на рис. 2 представлена модель связи расхождения между воспринимаемым «реальным» и ожидаемым «идеальным» контекстами (этот показатель измерялся как абсолютная разница между средними значениями «реального» и «идеального» контекстов) с социальной активностью. Показатели пригодности модели удовлетворительные: CMIN/df=2,87, CFI=0,96, RMSEA=0,06, SRMR=0,05.

Рис. 2. Модель связи расхождения между воспринимаемым «реальным» и ожидаемым «идеальным» контекстами с социальной активностью

Источник: составлено авторами.

В результате путевого анализа выяснилось, что чем больше несоответствие между воспринимаемым «реальным» и ожидаемым «идеальным» контекстами, тем больше социальная активность российской молодёжи.

Обсуждение результатов эмпирического исследования

Исследование посвящено важной для гражданского общества теме социальной активности самой перспективной страты общества в части развития правового, социального и экономически развитого государства — молодёжи, взгляды и убеждения которой во многом определяют будущее страны. В фокусе внимания выделяется роль контекстуально-психологических (воспринимаемого («реального») и ожидаемого («идеального») контекста) и социально-психологических (социальная ответственность) факторов в выраженности социальной активности современной российской молодёжи. Обсуждение результатов исследования будет идти по порядку выдвинутых в первых частях статьи исследовательских вопросов и гипотезы.

Первый исследовательский вопрос касался взаимосвязи ожидаемого «идеального» и воспринимаемого «реального» контекстов с социальной активностью. В результате путевого анализа была выявлена отрицательная взаимосвязь, которая обозначает, что молодые россияне, считающие, что в России уделяется недостаточное внимание решению проблем, связанных с экологией, социальным неравенством и политикой, демонстрируют высокий уровень социальной активности. В связи с этим напрашивается вывод, что молодые россияне готовы «взять в свои руки» социальное благополучие страны, т. е. готовы активно решать существующие проблемы, когда видят, что их решению уделяется недостаточное внимание и/или государство их не совсем успешно решает. Результаты путевого анализа также показали, что ожидаемый «идеальный» контекст не связан с социальной активностью молодёжи напрямую.

Второй исследовательский вопрос звучал следующим образом: «Связаны ли ожидаемый “идеальный” и воспринимаемый “реальный” контексты с социальной ответственностью, если да, то каким образом?» Было установлено, что воспринимаемый «реальный» контекст отрицательно связан с социальной ответственностью. Это — любопытный результат, свидетельствующий о том, что молодые россияне, воспринимающие социальный контекст страны как изобилующий социальными проблемами, чувствуют свою ответственность за сложившуюся ситуацию. Получается, что молодые россияне осознают свою сопричастность с общественными проблемами и делами вопреки исследованиям, где, напротив, отмечался сильный разрыв между взрослыми и молодыми россиянами [Лебедева, 2019].

Ожидаемый «идеальный» контекст оказался положительно связан с социальной ответственностью. Это говорит о том, что молодые россияне, считающие, что в России не должно быть проблем, связанных с экологией, социальным неравенством и политикой, демонстрируют высокий уровень социальной ответственности. Ожидания молодых россиян в отношении «идеального» социального контекста страны ведут к тому, что они чувствуют ответственность за свою страну. Так, в исследовании Костиной и Орловой отмечалось, что уровень социальной ответственности молодых россиян за страну гораздо ниже, чем за населённый пункт, в котором они проживают [Костина, Орлова, 2022]. Результаты настоящего исследования свидетельствуют о том, что повышение уровня социальной ответственности за страну во многом зависит от восприятия социального контекста страны как проблемного, а также от больших ожиданий в отношении социального контекста, исключающих появление проблем.

Третий исследовательский вопрос касался взаимосвязи расхождения между ожидаемым «идеальным» и воспринимаемым «реальным» контекстами с социальной активностью российской молодёжи. В результате путевого анализа обнаружено, что несоответствие ожидаемого «идеального» и воспринимаемого «реального» контекстов положительно связано с социальной активностью. То есть чем больше расхождение между ожиданиями молодых людей в отношении того, что в России не должно быть социальных проблем, и восприятием того, что есть на самом деле, тем больше молодые россияне проявляют

социальную активность в решении данных проблем. Всё это согласуется с результатами исследования [Krupets *et al.*, 2017], посвящённом изучению представлений о гражданстве российской молодёжи, в котором выявлена важная роль несоответствия идеально-нормативного и воспринимаемого контекстов.

Гипотеза исследования основывалась на идее о том, что социальная ответственность положительно связана с социальной активностью. В результате анализа гипотеза была подтверждена. Данный результат согласуется с ранее проведёнными исследованиями, в которых утверждалось, что социальная активность — это проявление социальной ответственности [Лебедева, 2019] или же её обратная сторона [Костина, Орлова, 2022].

Четвёртый исследовательский вопрос звучал следующим образом: опосредует ли социальная ответственность связь ожидаемого «идеального» и воспринимаемого «реального» контекстов с социальной активностью? В результате анализа было установлено, что воспринимаемый «реальный» контекст связан с социальной активностью как напрямую, так и через социальную ответственность. Это значит, что если контекст воспринимается как проблемный, то это повышает уровень социальной ответственности молодых людей, который, в свою очередь, ведёт к социальной активности на уровне поведения. Полученные результаты подтверждают мысль о том, что «субъективное восприятие людьми реальности образует и становится реальностью, которая определяет их психологические реакции» [Zagefka, Brown 2002. P. 173]. В случае настоящего исследования такой реакцией становится активность, направленная на решение социальных проблем.

Ожидаемый «идеальный» контекст положительно связан с социальной ответственностью, однако с социальной активностью он связан не напрямую, а только через социальную ответственность, что говорит о выявлении полной медиации. Иными словами, чем больше выражены у молодых россиян ожидания в отношении того, что в России не должно быть проблем, связанных с экологией, социальным неравенством и политикой, тем больше они считают, что несут ответственность за то, чтобы социальных проблем не было. В итоге это приводит к проявлению социальной активности, направленной на решение социальных проблем. Это весьма благоприятный результат для будущего России, поскольку он показывает, что молодёжь не уклоняется от ответственности за то, что происходит в стране, и готова участвовать в решении социальных проблем.

Настоящее исследование не лишено ограничений. К одному из них можно отнести то, что неполитическая активность молодёжи не исчерпывается активностью, направленной на решение экологических проблем и проблем социального неравенства, хотя они довольно значимы для молодых людей. Тем не менее в будущих исследованиях возможно расширить пул неполитических видов активности, добавив активность, направленную на защиту прав животных, правозащитную активность и другие.

Заключение

Полученные результаты позволили сделать несколько ключевых выводов, касающихся взаимосвязи социальной активности, социальной ответственности и восприятия социальной среды российской молодёжью. Так, было установлено, что восприятие реального социального контекста существенно влияет на уровень социальной активности: молодые люди, оценивающие социальный контекст как проблемный, чаще проявляют готовность участвовать в решении общественных проблем. Это подчёркивает важность их вовлечённости в социальные процессы, особенно связанные с ситуациями, чреватými вызовами в области экологии, социального неравенства или политики.

Высокий уровень социальной ответственности молодых россиян также выступает важным фактором, усиливающим их активность, где ответственность становится

связующим звеном между восприятием проблем и стремлением участвовать в их решении. Чем острее молодёжь воспринимает сложности реального социального контекста, тем сильнее её чувство ответственности, что напрямую способствует росту социальной активности.

Более того, социальная ответственность играет аналогичную роль в плане ожиданий от контекста. Так, чем более идеализированным представляется желаемый контекст — отсутствие социальных проблем и конфликтов, — тем сильнее проявляется чувство личной ответственности молодых россиян, что особенно побуждает их к активным действиям. Таким образом, ожидания и ответственность вместе формируют основу для значимой общественной деятельности.

Особого внимания заслуживает влияние несоответствия между воспринимаемым «реальным» и ожидаемым «идеальным» социальными контекстами. Так, существующее в умах молодых россиян такое несоответствие становится мощным стимулом роста социальной активности. Это показывает, что молодёжь стремится компенсировать разрыв между текущей ситуацией и своими ожиданиями об идеальном обществе.

Полученные результаты подчёркивают значимость социальной ответственности как важного фактора, от которого зависит возможность перехода процесса восприятия социальной среды в активные действия. Полученные данные имеют важное практическое значение для разработки программ, направленных на поддержку и развитие социальной активности молодёжи, особенно в условиях, где требуется их непосредственное участие в решении социальных и общественных задач.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Антонова Н.Л., Абрамова С.Б., Гурарий А.Д. (2022). Типологизация практик неполитической активности городской молодежи: формы, мотивация, барьеры [Antonova N.L., Abramova S.B., Gurarii A.D. (2022). Typologization of Non-Political Activity Practices of Urban Youth: Forms, Motivation, Barriers] // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15 № 1. С. 243–257. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.13.
- Арендачук И.В. (2018). Динамика ценностно-смысловых характеристик социальной активности современной молодёжи [Arendachuk I.V. (2018). Dynamics of Value-Semantic Characteristics of Social Activity of Modern Youth] // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. Т. 15. № 3. С. 287–307. DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-3-287-307.
- Арендачук И.В., Усова Н.В., Кленова М.А. (2022). Особенности социальной активности российской молодёжи в условиях вынужденных социальных ограничений [Arendachuk I.V., Usova N.V., Klenova M.A. (2022). Features of Social Activity of Russian Youth in Conditions of Forced Social Restrictions] // *Социальная психология и общество*. Т. 13. №4. С. 182–199. DOI: 10.17759/sps.2022130411.
- Баканач А.О. (2016). Социальные проекты как механизм вовлечения молодёжи в общественную активность [Bakanach A.O. (2016). Social Projects as a Mechanism for Engaging Youth in Civic Activity] // *Вестник университета*. Т. 7. № 8. С. 259–262.
- Бекшенёва А.А., Ягодка Н.Н. (2020). Политическая и неполитическая формы участия граждан в общественной жизни России [Bekshenyeva A.A., Yagodka N.N. (2020). Political and Non-Political Forms of Citizens' Participation in Public Life in Russia] // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление*. Т. 7. №1. С. 25–35. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-25-35.
- ВЦИОМ (2022a). Ценности молодёжи [WCIOM (2022a). Youth values]. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения: 01.07.2024).
- ВЦИОМ (2022b). Общественная активность молодёжи [WCIOM (2022 b). Public Activity of Youth]. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennaja-aktivnost-molodezhi> (дата обращения: 01.07.2024).
- Григорьева М.В., Шаров А.А., Заграничный А.И. (2022). Структура и мотивация социальной активности и её соотношение с гражданским самосознанием молодёжи [Grigoryeva M.V., Sharov A.A., Zagranichny A.I. (2022). Structure and Motivation of Social Activity and Its Relationship with Civic Consciousness of Youth] // *Социальная психология и общество*. Т. 13. № 1. С. 142–158. DOI: 10.17759/sps.2022130109.
- Ермолаева П., Ермолаева Ю., Башева О. (2020). Цифровой экологический активизм как новая форма экологического участия населения [Ermolaeva P., Ermolaeva Yu., Basheva O. (2020). Digital environmental activism as a new form of environmental participation of the population] // *Социологическое обозрение*. Т. 19. № 3. С. 376–408. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-376-408.

- Зайцева М.А. (2016). Воспитание социальной активности молодежи: исторический опыт и современность [Zaitseva M. A. (2016). Fostering Social Activity among Yoëth: Historical Experience and Modernity] // Сб. мат-лов XIX Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования». — Екатеринбург: УрФУ. С. 2099–2110.
- Захарова В.А. (2020). Перспективы исследования экологического поведения российской молодёжи: методологические аспекты [Zakharova V. A. (2020). Prospects for Studying Environmental Behavior of Russian Youth: Methodological Aspects] // *Гуманитарий Юга России*. Т. 9. № 3. С. 118–129. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.3.8.
- Зубок Ю.А., Березутский Ю.В. (2020). Социальная активность молодежи: мировоззренческие основания саморегуляции [Zubok Yu. A., Berezutsky Yu. V. (2020). Social Activity of Youth: Worldview Foundations of Self-Regulation] // *Власть и управление на Востоке России*. Т. 91. № 2. С. 89–105.
- Костина Е.Ю., Орлова Н.А. (2022). Социальная активность и социальная ответственность в представлениях и практиках современной молодёжи [Kostina E. Yu., Orlova N. A. (2022). Social activity and social responsibility in perceptions and practices of modern youth] // *Вестник Института социологии*. Т. 13. № 1. С. 129–143. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.778.
- Кранзеева Е.А., Головацкий Е.В., Орлова А.В., Нятина Н.В., Бурмакина А.Л. (2021). Реактивные социальные и политические взаимодействия в инновационных процессах регионов России [Kranzeeva E.A., Golovatsky E.V., Orlova A.V., Nyatina N.V., Burmakina A.L. (2021). Reactive social and political interactions in the innovation processes of Russian regions] // *Власть и управление на Востоке России*. Т. 95. № 2. С. 86–102. DOI: 10.22394/1818-4049-2021-95-2-86-102.
- Лебедева Л.Г. (2019). Социальная ответственность в динамике общественного сознания поколений россиян [Lebedeva L.G. (2019). Social Responsibility in the Dynamics of Public Consciousness of Russian Generations] // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. Т. 19. № 3. С. 260–265. DOI: 10.18500/1818-9601-2019-19-3-260-265.
- Маслодудова Н.В. (2023). Социальная активность молодёжи в условиях неопределённости [Maslodudova N.V. (2023). Social activity of young people in conditions of uncertainty] // *Социология*. № 3. С. 110–119. DOI: 10.18411/tmio-2023-19.
- Никовская Л.И., Скалабан И.А. (2017). Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития [Nikovskaya L.I., Skalaban I.A. (2017). Civic Participation: Features of Discourse and Trends of Real Development] // *Полис. Политические исследования*. Т. 26. № 6. С. 43–60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04.
- Омельченко Е.Л. (2005). Молодёжный активизм в России и глобальные трансформации его смысла [Omelchenko E.L. (2005). Youth Activism in Russia and Global Transformations of Its Meaning] // *Журнал исследований социальной политики*. Т. 3. № 1. С. 59–86.
- Осипова Н.Г., Елишев С.О. (2021). Социальное неравенство и молодёжь: ключевые тренды 2020 г. [Osipova N.G., Elishev S.O. (2021). Social Inequality and Youth: Key Trends of 2020] // *Вестник Московского университета. Социология и политология*. Т. 27. № 2. С. 7–25. DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-2-7-25.
- Парма Р.В. (2021). Общественный активизм российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах [Parma R.V. (2021). Public Activism of Russian Citizens in Offline and Online Spaces] // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 6. С. 145–170. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2042.
- Петухов В.В., Баращ Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В. (2014). Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия [Petukhov V.V., Barash R.E., Sedova N.N., Petukhov R.V. (2014). Civic Activism in Russia: Motivation, Values, and Forms of Participation] // *Власть*. № 9. С. 11–19.
- Подъячев К.В., Халий И.А. (2020). Государственная молодёжная политика в современной России: концепт и реалии [Podyachev K. V., Khaliy I. A. (2020). State Youth Policy in Modern Russia: Concept and Realities] // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 20. № 2. С. 263–276. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276.
- Седова Н.Н. (2014). Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база [Sedova N.N. (2014). Civic Activism in Modern Russia: Formats, Factors, Social Basis] // *Социологический журнал*. Т. 2. С. 48–71.
- Селезнева А.В., Зиненко В.Е. (2020). Политическая активность российской молодёжи: современные тенденции развития [Selezneva A. V., Zinenko, V. E. (2020). Political Activity of Russian Youth: Modern Development Trends] // *Вестник Московского государственного областного университета*. № 2. С. 192–208. DOI: 10.18384/2224-0209-2020-2-1012.
- Соколова Е.С. (2011). Социальная активность современной российской молодёжи [Sokolova E.S. (2011). Social Activity of Modern Russian Youth] // *Знание. Понимание. Умение*. № 1. С. 197–202.
- Сохадзе К.Г. (2017). Социальная активность Российской молодёжи: масштабы и факторы сдерживания [Sokhadze K.G. (2017). Social Activity of Russian Youth: Scales and Restraining Factors] // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 17. № 3. С. 348–363. DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-3-348-363.
- Шамионов Р.М. (2018). Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы [Shamionov R.M. (2018). Social Activity of the Individual and Group: Definition, Structure, and Mechanisms] // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. Т. 15. № 4. С. 379–394. DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394.

- Шамионов Р.М. (2020). Соотношение социальной активности и удовлетворённости базовых психологических потребностей, субъективного благополучия и социальной фрустрированности молодёжи [Shamionov R.M. (2020). The Relationship Between Social Activity and Satisfaction of Basic Psychological Needs, Subjective Well-Being, and Social Frustration in Youth] // *Сибирский психологический журнал*. № 77. С. 176–195. DOI: 10.17223/17267080/77/9.
- Шамионов Р.М., Григорьева М.В. (2019). Методика диагностики компонентов социально-ориентированной активности [Shamionov R. M., Grigoryeva M. V. (2019). Methodology for Diagnosing Components of Socially-Oriented Activity] // *Сибирский психологический журнал*. № 74. С. 26–41. DOI: 10.17223/17267080/74/2.
- Шамионов Р.М., Бочарова Е.Е., Невский Е.В. (2022). Роль ценностей в приверженности молодёжи различным видам социальной активности [Shamionov R.M., Bocharova E.E., Nevskiy E.V. (2022). The Role of Values in Youth Commitment to Different Types of Social Activity] // *Социальная психология и общество*. Т. 13. № 1. С. 124–141. DOI: 10.17759/sps.2022130108.
- Щебланова В.В., Логинова Л.В., Зайцев Д.В., Сурков И.Ю. (2020). Гражданский активизм студентов: риск деструктивных проявлений в Поволжском регионе [Shcheblanova V.V., Loginova L.V., Zaitsev D.V., Surkov I.Yu. (2020). Student Civic Activism: Risk of Destructive Manifestations in the Volga Region] // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 20. № 3. С. 595–610. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-595-610.
- Blake D.E. (2001). Contextual Effects on Environmental Attitudes and Behavior // *Environment and Behavior*. Vol. 33. No. 5. Pp. 708–725. DOI: 10.1177/00139160121973205.
- Bogomolov O. (2005). Economy and social environment // *Ekonomski pregled*. Vol. 56. No. 12. Pp. 1237–1252.
- Burbank M.J. (1997). Explaining Contextual Effects on Vote Choice // *Political Behavior*. Vol. 19. No. 2. Pp. 113–132. DOI: 10.1023/a:1024806024732.
- Cappelli P., Sherer P. D. (1991). Managerial promotion: The effect of socialization, specialization and gender // *Industrial and Labor Relations Review*. Vol. 42. Pp. 77–88.
- Fuchs Ch. (2006). The self-organization of social movements // *Systemic Practice and Action Research*. Vol. 19. No. 1. Pp. 101–137. DOI: 10.1007/s11213-005-9006-0.
- Gatawa G. (2022). The Effect of Social Factors to Economic Growth // *Advance*. DOI: 10.31124/advance.19397081.v1.
- Gerrig R.J., Zimbardo P.G. (2002). *Psychology and Life* (16th ed.). — Boston: Allyn & Bacon.
- Heyes A., King B. (2020). Understanding the Organization of Green Activism: Sociological and Economic Perspectives // *Organization & Environment*. Vol. 33. No 1. Pp. 7–30. DOI: DOI: 10.1177/1086026618788859.
- Johns G. (2006). The essential impact of context on organizational behavior // *Academy of Management Review*. Vol. 31. No. 2. Pp. 386–408. DOI: 10.5465/amr.2006.20208687.
- Kanfer R. (2009). Work motivation: Identifying use-inspired research directions // *Industrial and Organizational Psychology*. Vol. 2(1). Pp. 77–93. DOI: 10.1111/j.1754-9434.2008.01112.x.
- Kanfer R., Chen G., Pritchard R. D. (2008). The three C's of work motivation: Content, context, and change // *Work Motivation*. — London: Routledge. Pp. 30–45.
- Krupets Y., Morris J., Nartova N., Omelchenko E., Sabirova G. (2017). Imagining young adults' citizenship in Russia: from fatalism to affective ideas of belonging // *Journal of Youth Studies*. Vol. 20. No. 2. Pp. 252–267. DOI: 10.1080/13676261.2016.1206862.
- Mergler A. (2017). Personal responsibility: an integrative review of conceptual and measurement issues of the construct // *Research Papers in Education*. Vol. 32. No. 2. Pp. 254–267. DOI: 10.1080/02671522.2016.1225801.
- Meyer R.D., Dalal R.S. (2009). Situational strength as a means of conceptualizing context // *Industrial and Organizational Psychology*. Vol. 2. No. 1. Pp. 99–102. DOI: 10.1111/j.1754-9434.2008.01114.x.
- Mischel W., Shoda Y. (1995). A cognitive-affective system theory of personality: reconceptualizing situations, dispositions, dynamics, and invariance in personality structure // *Psychological Review*. Vol. 102. No. 2. Pp. 246. DOI: 10.1037/0033-295x.102.2.246.
- Ozili P.K. (2020). Financial stability: does social activism matter? // *Journal of financial regulation and compliance*. Vol. 28. No. 2. Pp. 183–214. DOI: 10.1108/JFRC-08-2018-0118.
- Van Stekelenburg J., Klandermans B. (2013). The social psychology of protest // *Current Sociology*. Vol. 61. No. 5–6. Pp. 886–905. DOI: 10.1177/0011392113479314.
- Wray-Lake L., Syvertsen A.K. (2011). The developmental roots of social responsibility in childhood and adolescence // *New Directions for Child and Adolescent Development*. Vol. 134. Pp. 11–25. DOI: 10.1002/cd.308.
- Zagefka H., Brown R. (2002). The relationship between acculturation strategies, relative fit and intergroup relations: immigrant-majority relations in Germany // *European Journal of Social Psychology*. Vol. 32. No. 2. Pp. 171–188. DOI: 10.1002/ejsp.73.

Ефимова Полина Андреевна

linepd@mail.ru

Polina Efimova

Intern Researcher of the Center for Socio-Cultural Studies of the National Research University Higher School of Economics (Moscow)

linepd@mail.ru

Лепшокова Зарина Хизировна

taimiris@yandex.ru

Zarina Lepshokova

PhD (psychology), Chief Research Fellow of the Center for Socio-Cultural Studies of the National Research University Higher School of Economics (Moscow)

taimiris@yandex.ru

Яшина Анастасия Геннадьевна

agiashina@edu.hse.ru

Anastasiia Iashina

Intern Researcher of the Center for Socio-Cultural Studies of the National Research University Higher School of Economics (Moscow)

agiashina@edu.hse.ru

Попов Евгений Владимирович

jack.popov1@yandex.ru

Evgenii Popov

Intern Researcher of the Center for Socio-Cultural Studies of the National Research University Higher School of Economics (Moscow)

jack.popov1@yandex.ru

Титов Александр Сергеевич

atitov@hse.ru

Aleksandr Titov

Intern Researcher at the Center for Socio-Cultural Studies of the National Research University Higher School of Economics (Moscow)

atitov@hse.ru

THE SOCIAL ACTIVITY OF RUSSIAN YOUTH: CONTEXTUAL AND PSYCHOLOGICAL FACTORS²

Abstract. Despite the existing stereotype about the passivity of Russian youth toward social issues, the realities of modern Russia reveal an opposite trend, which is largely observed within the realm of non-political activity among young people. This study focuses on the social activity of youth, its relationship with social responsibility, and the social context of the country, analyzed through the lens of its perception and attitudes toward it. In terms of perception and attitudes, particular attention is given to examining the role of the perceived «real» and expected «ideal» social contexts, as well as the gap between them in shaping the social activity and responsibility of Russian youth. The study sample included 821 Russians aged 15 to 35 (285 men and 536 women), predominantly from Moscow and Kazan. The research was conducted in 2021 through an online survey. The author's methodology covered three key areas of social activity: environmental issues, social inequality, and politics. Validated scales were used to assess the perceived and expected social context of the country, as well as the level of social responsibility. The results underscored the importance of the influence of the perceived «real» and expected «ideal» contexts of the country on the level of social activity among youth. Respondents who evaluated the «real» social context of the country as problematic and perceived the state's approach to issues of environmental protection, social inequality, and politics as insufficient demonstrated higher levels of social activity. At the same time, the expected «ideal» context was not directly related to social activity but influenced it indirectly through social responsibility. Furthermore, data analysis revealed that the greater the gap between the perceived «real» and expected «ideal» contexts of the country, the higher the level of social activity among youth.

Keywords: *social activity, social responsibility, perceived social context, expected social context, youth.*

JEL: Y8, Z13, Z19.

² This work/article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).